

— Отец, ты жульничаешь!

— Ха-ха-ха! Ты мой сын, так что мне можно. Ну что, признаёшь, что отец сильнее?

— Ага, ты самый лучший, папа!

Зимнее солнце грело на удивление мягко. Отец с сыном резвились и со смехом гонялись друг за другом; даже слуги и служанки, проходившие мимо, невольно улыбались, глядя на эту идиллию.

Однако в огромном дворе оставались места, куда тёплые лучи не проникали вовсе. В самом глухом углу, укутанный зимней сыростью, притаился мрачный флигель. Приставленная к нему служанка, не желая мёрзнуть в тени, отошла погреться на солнышке. Она то и дело бросала на тёмные двери брезгливые взгляды.

С противным, пронзительным скрипом тяжелая дверь приоткрылась, заставив всех во дворе обернуться.

На пороге показался бледный, измождённый ребёнок. В одном исподнем, дрожа от пронизывающей прохлады, он несмело замер у косяка, глядя на чужое семейное счастье.

Услышав доносившийся с улицы смех, мальчик из последних сил сполз с постели — просто чтобы хоть краем глаза взглянуть на мир снаружи. И двор показался ему куда теплее, чем он рисовал себе в полузабытьи.

Лю Муфэн, ластившийся к отцу, устремил на брата ледяной взгляд, однако вслух произнес с деланной заботой:

— Папа, второй брат проснулся.

Глава ордена погладил старшего сына по голове и опустил на землю:

— Поиграй пока здесь, Фэн-эр. Отец сейчас вернётся.

— Хорошо, папа. Фэн-эр будет послушным, — кивнул мальчик.

Тепло улыбнувшись, глава ордена развернулся и зашагал к тёмному флигелю. Остановившись у порога, он сверху вниз посмотрел на младшего:

— Хань-эр, на улице стужа. Почему ты не в постели?

Лю Мухань робко покосился на руки отца, а затем заглянул ему в глаза:

— Отец, я уже пришёл в себя. Я не стану доставлять тебе хлопот.

Лю Чэнчжи лишь безучастно кивнул и легонько подтолкнул ребёнка обратно в комнату:

— Вот и славно. Иди ложись, на улице тебе делать нечего.

Он проводил мальчика до постели, подождал, пока тот заберётся под одеяло, и сухо добавил:

— Лежи смирно, не путайся под ногами у слуг. Спи.

Хань-эр замялся. Он хотел сказать, что только-только очнулся и совсем не хочет спать, но, наткнувшись на равнодушный взгляд отца, смолчал.

Мальчик послушно закрыл глаза:

— Хорошо.

Убедившись, что сын затих, глава ордена вышел на крыльцо и бросил дежурившей служанке:

— Приглядывай за вторым молодым господином. Без надобности из комнаты его не выпускай.

— Слушаюсь, глава ордена, — присела в глубоком поклоне девушка.

Больше не сказав ни слова, Лю Чэнчжи вернулся к старшему сыну и взял его за руку:

— Фэн-эр, твой брат только оправился от болезни. Не докучай ему.

— Хорошо, папа, — кивнул тот.

Когда их шаги затихли, во дворе воцарилась глухая, гнетущая тишина.

Лю Мухань открыл глаза. Судорожно вцепившись в холодное одеяло, он ловил малейшие шорохи за дверью, но веселый смех больше не возвращался.

Наконец мальчик снова зажмурился. Две горячие слезинки скатились по бледным щекам и мгновенно впитались в подушку, обжигая холодом.

«Дедушка, мне так холодно...»

Грохот выбитой двери заставил Хань-эра подскочить на постели.

Он распахнул глаза и оцепенел: на пороге стоял разгневанный Лю Муфэн. Дверные створки, сорванные с петель, сиротливо валялись на полу. Мальчик в ужасе вжался в угол кровати.

— Ишь, дрожишь! — злорадно усмехнулся Муфэн.

В два шага он подлетел к постели, сорвал одеяло и швырнул его на пол. Затем схватил брата за шиворот, выволок во двор и брезгливо бросил на каменные плиты.

От удара о камни все тело пронзила невыносимая боль, будто кости разом рассыпались в прах. Хань-эр судорожно подтянул колени к груди, свернувшись клубком. Только так можно было хоть немного унять ломоту.

Муфэн с размаху пнул его под дых:

— Ты что-то наплёл отцу?! Признавайся!

— Нет! Нет, я ничего не говорил! Честное слово! — взмолился мальчик, глотая слезы.

Но старший брат лишь свирепел. Удары посыпались один за другим:

— «Оправился от болезни!»! «Слаб телом!»! «Не докучай ему!»! Да у тебя все энергетические меридианы разорваны, ничтожество! Зачем ты вообще нужен этому ордену?! Мусор! Беспольный кусок мусора!

Лю Мухань лишь беззвучно плакал и качал головой, забиваясь под удары. Страх парализовал его волю.

Боль разрывала тело, но он не смел издать ни звука.

Он уяснил это еще в первые дни в ордене. Тогда он глупо верил: стоит позвать на помощь, и его спасут. Но никто не приходил. Чем громче он кричал, тем яростнее Лю Муфэн избивал его.

«Мне не больно... Картофелина, тебе совсем не больно. Не бойся, терпи. Тебе не больно...»

Он стиснул зубы так крепко, что прокусил губу, но даже не заметил солоноватого вкуса крови во рту.

Избиение продолжалось, пока Муфэн окончательно не выбился из сил. Тяжело дыша, он сверху вниз окинул взглядом лежащего в пыли ребёнка:

— Грязный побирушка! Вздумал соперничать со мной за отцовскую любовь? Отец принадлежит мне! И орден Свободного скитания тоже будет моим! Тебе здесь ничего не достанется!

Кровь из разбитой губы Хань-эра капала на серые камни, расплываясь тёмными пятнами. Мальчик дрожал от холода и боли, но продолжал мелко кивать.

«Пусть забирает... Пусть забирает всё. Мне не нужны ни сытая жизнь, ни родители. Я хочу только к дедушке... Хочу вернуться в то время, когда он был жив и защищал меня...»

— Будешь шелковым — может, стану бить реже, — процедил Муфэн с презрительной усмешкой. — С твоими разорванными меридианами ты никто. Даже если я забью тебя до смерти прямо сейчас, отец и слова мне не скажет!

Вид беззащитного, зашуганного брата вызывал у него лишь омерзение.

Сжав кулаки, Муфэн вдруг вспомнил о внутренней энергии, которую недавно начал развивать. Желая опробовать силу, он замахнулся и со всей дури направил удар, подкрепленный внутренней энергией, прямо в голову лежащего мальчика.

Если бы этот удар достиг цели, Хань-эр наверняка остался бы калекой на всю жизнь, а то и вовсе испустил дух. Но глупого мальчишку не заботили последствия.

Однако стоило кулаку почти коснуться тела Хань-эра, как воздух вокруг мальчика колыхнулся. Неведомая, колоссальная мощь встречным потоком ударила Муфэна в грудь, отшвырнув его прочь. Налетев на ствол векового дерева, он тяжело рухнул на землю.

— Кхг!..

Кровь брызнула из его рта, и, не успев даже издать стона, Муфэн лишился чувств.

— Молодой господин!

— Старший молодой господин!

— Быстрее, зовите главу ордена! Живо!

Двор мгновенно заполнился криками. Слуги и стражники толпой ринулись к бесчувственному Муфэну, подняв невообразимый шум.

Лю Мухань так и остался лежать на холодных камнях, спрятав лицо в ладонях. Он не понимал, что произошло, да и сил соображать уже не осталось. Тело мальчика горело как в лихорадке, сознание медленно угасало, пока тьма окончательно не поглотила его.

Но до него никому не было дела.

Орден Свободного скитания погрузился в хаос.

Обоих мальчиков перенесли в главный зал. Но если вокруг постели старшего суетились лекари и слуги, то в противоположном углу, укутанный лишь в старое покрывало, в полном одиночестве лежал бледный Хань-эр. О нем словно забыли.

— Лекарь, что с моим сыном? — взволнованно вопрошал Лю Чэнчжи.

— Внутренние органы сильно повреждены ударом невероятной мощи, — дрожащим голосом ответил старый лекарь, отирая пот со лба. — Жизнь молодого господина вне опасности, мне удалось стабилизировать его состояние. Однако ранения глубоки. Если не подойти к лечению со всей строгостью, последствия останутся на всю жизнь. Он может навсегда остаться калекой.

Глава ордена в ярости обрушил ладонь на резной стол, разнеся прочную древесину в щепки:

— Кто?! Кто посмел поднять руку на моего сына в стенах моего же ордена?! Откуда здесь взяться мастеру такой силы?!

Лекарь поспешно опустился на колени, не смея издать ни звука.

Лю Чэнчжи разгневался. Он обернулся к дрожащим слугам, выстроившимся перед ним на коленях:

— Выкладывайте всё! До единого слова! Что произошло во дворе?!

Не смея утаить ни единой детали, слуги наперебой принялись пересказывать случившееся: от момента, когда разъярённый Муфэн выбил дверь флигеля, до внезапного и необъяснимого падения старшего молодого господина.

Стоящий на коленях старый лекарь украдкой покосился в тёмный угол зала, где лежал Хань-

эр. Сердце старика сжалось от жалости, но пойти против воли свирепого главы ордена он не смел.

Выслушав сбивчивые доклады, Лю Чэнчжи так и не нашел ответа на главный вопрос. Он взревел:

— Вас там было больше десятка! Столько глаз — и никто не разглядел нападавшего?! Зачем мне держать ораву слепцов?!

— Пощадите, глава ордена!

— Сжальтесь!

Разъярённый Лю Чэнчжи хватал со стола уцелевшую утварь и швырял в головы несчастных слуг. Немного переведя дух, он крикнул страже у дверей:

— Обыскать окрестности! Выяснить, кто приближался к поместью ордена за последний день! Я лично сниму шкуру с того, кто покусился на моего наследника!

Едва он умолк, как двери залы распахнулись и внутрь вбежала госпожа Лю. С рыданиями она припала к постели старшего сына:

— Сын мой! Фэн-эр! Кто сотворил с тобой такое?! Сердце матери на части разрывается при виде твоих мучений!

Глава ордена жестом велел страже приступать к поискам, а сам подошел к супруге и нежно обнял ее за плечи:

— Успокойся, дорогая. Я уже отдал приказ. Мы найдем этого мерзавца и разорвем на куски, клянусь тебе.

Госпожа Лю уткнулась мужу в плечо, содрогаясь от рыданий.

Спустя некоторое время Лю Чэнчжи тяжело вздохнул:

— Милая, после случившегося мальчикам нельзя оставаться под одной крышей. Думаю, Хань-эра стоит отослать в загородное поместье. Что скажешь?

Женщина крепче вцепилась в его одежды и тихо всхлипнула:

— Но ведь Хань-эру там придется несладко...

Глава ордена сделал знак лекарям и слугам покинуть залу. Когда за ними закрылась дверь, он заговорил вполголоса:

— Думаешь, мне не жаль собственного сына? Но у нас уже есть Фэн-эр. Хань-эр и прежде не отличался талантом к боевым искусствам, а теперь, с разорванными энергетическими меридианами, он и вовсе калека. Жизнь в тихом поместье пойдет ему лишь на пользу.

Госпожа Лю беззвучно плакала, словно борясь с непосильной ношей в груди.

— Я знаю, какое у тебя доброе сердце, — мягко утешал ее супруг. — Но если мы оставим Хань-эра в ордене, Фэн-эр, привыкший к нашему безраздельному вниманию, не даст ему прохода. Для калеки здесь каждый день превратится в пытку.

— Но ведь... — прошептала госпожа Лю сорвавшимся голосом, — ведь Фэн-эр не наш родной сын.

— Ну и что с того? — Лю Чэнчжи ласково погладил ее по спине. — Мы воспитали его с пелёнок, он привязан к нам как к родным. Весь мир считает его нашим первенцем, пусть так и остается. А Хань-эра... Хань-эра мы отошлем.

— Пусть будет по-твоему, — покорно согласилась женщина, прижимаясь к его груди.

— Вот и славно. Отошлем его в Малое загородное поместье. Я пошлю за дядей Ваном, пусть он заберет мальчика. Старик добр и надежен, он присмотрит за Хань-эром.

— Ты всё предусмотрел, дорогой, — тихо ответила супруга.

Обнимая друг друга в пустом зале, супруги даже не подозревали, что выдали страшную тайну, которую хранили долгие годы.

Кто бы мог подумать, что всеобщий любимец Лю Муфэн на самом деле был лишь приёмным, занявшим место настоящего наследника? А истинный сын, Лю Мухань, найденный спустя годы, был вынужден жить в собственном доме на правах безродного сироты.

Никто в суматохе не заметил, как бледный мальчик шевельнулся.

Лю Мухань пришёл в себя уже давно.